

Ретрожизнь – жизнь под куполом советской истории (статья третья)

В третьей, заключительной, части статьи анализируются формы и способы завершения советской истории. Делается вывод о том, что ее «бытие к смерти» (Хайдеггер) осуществляется в виде революции, которая обретает «смерть» в процессе термидора. И размыкает свое умение быть, собственное «бытие смерти» (Хайдеггер) в форме термидорианского переворота. В статье подробно рассматривается, как, однажды (1991 г.) потеряв свою историю, советская история создает из разных форм суверенной, вертикальной, свободной власти ее подобие – Купол. Каким образом, оказавшись под ним, измученная «исторической болезнью» жизнь становится с помощью таких ретроориентаций, как контрреволюция, реставрация, реваншизм, ретрожизнью. Делается вывод о том, что разрушение единой временности жизни, ничтожение ее временных экстазов и модусов ее временения лишает советскую историю и Ретрожизнь их историчности и смысла.

Ключевые слова: революция; термидор; термидорианский переворот; гибридная война; формальная демократия; олигархический капитализм; временность; смысл; контрреволюция; реставрация; реваншизм.

К 1991 году советская история закончилась, т. е. история советской истории прекратилась. Начался бурный и драматичный процесс *завершения* ее исторического бытия – рефлексивное движение советской истории в свои основания в поисках возможности, способности и умения быть целостной, собственной, понимающей саму себя историей. Пытаясь в этом процессе восстановить в себе и для себя бытие-в-мире, она вновь открывает в себе историю как источник (революция), раскрывает ее в качестве основания (термидор) и размыкает в виде специфической формы (термидорианского переворота) ничтожение собственной историчности. Завершаясь, советская история берет «себя в своей истории на себя» (Хайдеггер), «ставит себя перед собой» (Хайдеггер) и «измеряет» (Сартр) полученный результат как меру собственной историчности.

Будучи «окончанием от конца» (Хайдеггер), революция возвращает советской истории ее оконченную историю в виде конца начала ее существования. Она восстанавливает то, что, казалось бы, ушло навсегда. Восстанавливает историю советской истории, но лишь в качестве источника ничтожения ее собственной целостности и бытия-в-мире. Однако процесс ее завершения революцией не заканчивается. Он продолжается в форме термидора, который открывает в ней ее сущее как основание собственного ничтожения и раскрывает его «бытие к смерти» (Хайдеггер). Но и термидор не завершает советскую историю. Этот процесс реально заканчивается лишь тогда, когда завершается история термидора. Когда он оборачивается на себя и размыкает в себе и для себя не конец начала советской истории и не окончание от него, но начало начала и «наставание» (Хайдеггер) завершения. Поскольку «всякое целое есть в самом себе круговорот, в котором первое становится также и последним, а последнее также и первым» [3], постольку термидор начинается с переворота и заканчивается им. Только если в первом случае он является способом ничтожения революции, то во втором – ничтожит ту историю, в которой сталкиваются между собой революция и термидор – ничтожит, в том числе, историю термидора как способа «умирания» советской истории.

---

* Владимир Анатольевич Лоскутов, д-р филос. наук, профессор (г. Екатеринбург).
E-mail: rectoruapa@me.com

В процессе завершения («окончания от конца», «бытия смерти», «наставания») советская история не просто оборачивается на процесс возобновления своей истории, но, отражаясь от нее, особым образом размыкает в себе «основоустройства» исторического бытия. Из них она в процессе термидорианского переворота создает своеобразный Купол, оказавшись под которым она с помощью ретрожизни «понимает» (Хайдеггер) «смерть» как «конечную возможность» (Хайдеггер) своего бытия.

Революция

Советская история закончилась тогда, когда закончилась ее история. Концом этой истории является она сама. На первом этапе завершения советская история оканчивается от самой себя как конца своей истории. В этом процессе она пытается в специфических формах восстановить исчезнувшую историю для себя и превратить ее в способ самообоснования собственного целостного бытия. С этой целью она стремится разомкнуть в самой себе те возможности, которые способны гарантировать ее устойчивость и возобновление. Удалось ли ей открыть и раскрыть их?

Если мы хотим понять, каким образом советская история конституирует целостность в процессе окончания от ее конца, то следует помнить, что «“конец” присутствия, беря формально, лишь один конец, замыкающий целость присутствия. Другой же “конец” – его “начало”, “рождение”» [4]. «Другим» концом советской истории, ее «рождением» является революция. Именно от этого конца и заканчивается советская история, будучи концом собственной истории. В революции как «начале» оба конца по своей сути становятся тождественными, а то, что «между» ними, превращается в процесс скончания «конца» от самого «конца». Революция свидетельствует о том, что советская история заканчивается не от того, что окончилась ее история, а от того, что советская история, являясь концом этой истории, заканчивает ее скончание – размыкает в ней то, что не есть ее «начало» и «конец», а находится «между» ними.

Что определяет характер революции как такого «конца» советской истории, от которого заканчивается процесс окончания ее истории? Ее определяет тот единственный и неповторимый предмет, на который она направлена. В нашем случае им является то сущее, которое существует «между» ее «началом» и «концом». Оно конституирует систему развития советской истории: единство источника, основания и формы ее целостного бытия. Если, об этом мы писали выше, источником развития советской истории был тоталитаризм, то логично предположить, что революция «конца» по своей природе является *антитоталитарной*. Если мы вспомним, что фактическим основанием развития советской истории был процесс социалистического строительства социализма, то вполне достоверным выглядит вывод о том, что данная революция является *антисоциалистической*. Если мы исходим из того, что СССР, социалистическое содружество («социалистический лагерь»), мировое коммунистическое движение являются всего лишь конкретными историческими формами развития «начала» советской истории (мировой революции), то ее революционное «отторжение» от этого начала, ничтожение целостности своего бытия могло быть только в форме *антиимперской* революции.

В процессе революционного переустройства истории как системы развития советской истории у нее появляются модусы, которые отражают и выражают, раскрывают и размыкают возможности ее целостного бытия. Революция бросает советскую историю на «экзистентную возможность» [4] посредством выбора – особого способа «волечения за возможностями». Как «бытие к возможностям» [4] она есть не просто выбор, но «избрание выбора» (Хайдеггер) и его «наверстание» (Хайдеггер).

С помощью революции советская история выбирает «наследуемую возможность» [4] – «сущее, которое как наступающее есть равноисходно бывшее, способно, передавая само себе наследуемую возможность, принять свою брошенность и быть мгновенно-очным для “своего времени”» [4]. Она выбирает *капитализм* в качестве «наступающего» сущего советской истории. В процессе «избрания выбора» революция возобновляет «преемственную возможность» [4]. При этом она, «возникающая из решительного самонаброска, не дает “прошедшему” уговорить себя дать ему как некогда действительному просто повториться» [4]. Избранный выбор «возражает возможности присутствовавшей экзистенции» [4], ибо он есть «отзыв того, что в сегодня действует как “прошлое”» [4] и через него «возобновление впервые обнажает присутствию его особую историю» [4]. Обнажает, с одной стороны, тоталитаризм советской истории и одновременно с этим, с другой стороны, указывает на «исходную историчность» революции, которая есть всего лишь «возвращение к возможностям сбывшегося присутствия» – есть возобновление *демократии* середины 80-х гг. Наконец, советская история с помощью революции «понимает себя из возможностей» [4] как «наставание выбора». В этом процессе она обретает «освобожденность для свободы избрания» [4] и «ставит присутствие перед его освобожденностью для... собственности его бытия как возможности» [4]. Революция дает советской истории возможность обрести собственное бытие в качестве ее возможности бытия-в-мире. Позволяет ей постичь «экзистенциальное тождество размыкания с разомкнутым, а именно такое, что в последнем разомкнут мир как мир» [4] – разомкнут мир *свободы для избрания выбора*, раскрыта «освобожденность для свободы избрания и выбора себя самого» [4]. Она позволяет бытию советской истории «стать прозорливым для случайностей разомкнувшейся ситуации» [4] и «быть себе самому в своей возможной собственности “показано” [4] в виде исторического события». В этом процессе революция постигает собственный историзм как свободу для избрания выбора – «высвобождение структуры события и экзистенциально-временных условий ее возможности» [4] быть структурой избранного выбора. Быть миром, разомкнутым в мир.

Революция открывает в советской истории возможности, которые могут обеспечить целостность ее бытия: «наследуемую возможность» (капитализм), «преемственную возможность» (демократию), собственную, «саму свою» [4] возможность (свободу выбора). Тем самым она, казалось бы, дает ей второй шанс на историческое бытие, но это бытие оказывается бытием ее завершения. Из множества экзистентных возможностей советской истории революция создает всего лишь «могущее-бытие» (Хайдеггер). Причем делает это она очень странным образом: «ловит их и промахивается» [4]. В результате такого рода охоты за возможностями советская история становится «всегда-мое как условие возможности собственности и несобственности» [4] своего исторического бытия.

Удалось ли советской истории в процессе ее революционного «скончания от конца» восстановить в себе историю, качественно обновить систему собственного развития? Достигла ли революция девяностых годов того результата, которых от нее ждала советская история? Обеспечила ли она необходимый уровень ее целостного бытия? Каковы реальные итоги и «достижения» революции «конца»?

В результате антитоталитарной революции источником развития советской истории стал так называемый, достаточно мутный и непоследовательный, «демократический транзит», который, в конечном итоге, был призван обеспечить постепенный, но неуклонный переход от тоталитарного к демократическому устройству общественной жизни. В процессе ниспровержения «социализма» и ничтожения его социалистического строительства основанием развития целостного бытия советской истории стал государственно-олигархический капитализм. И даже не столько он сам по себе, сколько процесс его государственного строительства. Ан-

тиимперская революция свидетельствует об окончательном провале идеи мировой революции. Ее последствия оказались наиболее разрушительными для целостного бытия советской истории. Она привела к «развалу» СССР и крушению различных форм его «мирового господства». В результате поражения СССР и ее сателлитов в холодной войне, у них появился шанс на свободное избрание выбора и, за счет этого, шанс на возвращение в мировую историю. Многие воспользовались им и стали на путь развернутого национально-государственного строительства – путь относительно свободного выбора своего бытия-в-мире.

Антисоциалистическая, антитоталитарная, антиимперская революция начала 90-х годов размыкает в советской истории лишь те возможности ее целостного исторического бытия, которые заключают в себе потенциал возобновления ее истории как «окончания от конца». В роли источника развития этой истории выступает демократический транзит. Предельным основанием ее осуществления является олигархический капитализм. Формой же их конкретного тождества становится процесс национально-государственного строительства советской истории как того «конца», от которого случилось окончание ее завершения.

Термидор

Термидор размыкает советскую историю в ее отношении к своему сущему и бытию. Сущее здесь определено «как способность-быть, которая принадлежит сама себе, и все же не сама собой дана себе в собственность» [4], а дана она сама себе лишь опосредованно бытием этого сущего. Он есть столкновение и взаимопосредование двух различных историй: законченной советской истории и революции, являющейся ее «окончанием от конца». Если первая из них конституирует себя как единство различных форм существования ее *способности быть* и экзистировать, то вторая фиксирует в себе возможность осуществления тех возможностей, которые она открыла в бытии посредством революции.

Термидор ставит советскую историю перед самой собой и спрашивает ее о том, способна ли она, опираясь на свои «способности-быть», реализовать открытые в ней революцией возможности и обеспечить тем самым не только целостность, но связность и направленность бытия. Определив в качестве сущего «бытия к концу» советской истории революцию, термидор открывает в ней не просто некие абстрактные возможности ее бытия, но раскрывает «необходимую возможность», «экзистенциальную возможность» ее «бытия к смерти». Это бытие он представляет в виде ее «в себе самой уверенной и ужасающейся свободе к смерти» [4]. Как единство различных способов присвоения этой свободы и раскрытия своей *способности быть целостной, собственной и «понимающей»* (Хайдеггер). Революция возвышает историю, заставляет ее парить, поднимает ее в мир возможностей. Термидор возвращает историю к самой себе и ее способностям быть, тем самым открывает в ней «смерть» – «возможность невозможности экзистенции вообще» [4]. Это позволяет ей, «обнажив» революцию как сущее, «не глядеть на смысл», а из себя принять бытие от самой себя на себя. Что она и делает тремя разными способами: «вручает смерть» себе, экзистирует как «брошенная в смерть» и понимает «падающее бегство от смерти» (Хайдеггер). В результате «бытия к смерти» советская история, и это является самым важным продуктом ее экзистирования, доказывает самой себе, что ее «экзистирование конечно» [4], ее сущее становится ничтожным, а возможности и способности быть сливаются в едином процессе ничтожения. Термидор заканчивается тогда, когда «смерть как возможность не дает присутствию ничего для “осуществления” и ничего, чем оно как действительное само могло бы быть» [4].

Термидор – «вручение смерти»

В процессе «вручения смерти» бытие советской истории выходит в предстояние самому себе как «ему самому врученное могущее-бытие» [4]. Какие реальные возможности непрерывности бытия предоставляет ей революция, вручая в качестве «предельнейшей возможности» (Хайдеггер) его существования демократию в виде «смерти»? Каким образом в процессе термидора эта возможность трансформируется в способность советской истории быть целой?

Термидор «вручает смерть» советской истории не в виде «необходимой возможности» демократии, но как ее «экзистирующую возможность» – демократический транзит, соединяющий в себе «наследуемую возможность» (Хайдеггер) советской формальной демократии [1], соответствующие «переживания» (Хайдеггер) эпохи демократической Перестройки [2] и те способы демократизации общества и власти [3], которые фактически обеспечили «смерть» антитоталитарной революции, а вместе с ней и советской истории. Демократический транзит «как сущее, врученное своему бытию, оно всегда вручено и необходимости иметь себя уже найденным – найденным в нахождении, возникающем не столько из прямого искания, но из избегания» [4]. Он вручает «смерть» советской истории в процессе прямого искания и «притяжения» (Хайдеггер) к демократии, а также путем избегания революции в процессе «отшатывания» (Хайдеггер) от нее. Притягиваясь и отшатываясь, он вручает ее ей как «экзистенциальную структуру бытия к концу» (Хайдеггер), которая «принадлежит к способности быть, т. е. к экзистенции, очерчивает и определяет любую возможную целостность присутствия» [4] – «смерть есть в бытии этого сущего к своему концу» [4].

В «экзистенциальную структуру бытия к концу» термидор вовлекает, о чем мы уже говорили выше, самые разные, разнородные элементы демократического транзита советской истории: советскую демократию, демократическую перестройку середины восьмидесятых, демократическое движение девяностых. Ему удалось соединить, казалось бы, несоединимое, для чего он выделяет в «хаосе» демократического транзита сущее и определяет его в качестве формального основания преобразования демократии в «смерть» советской истории. В результате он трансформирует сложную и противоречивую «экзистенциальную структуру» «демократии-смерти» в особый механизм упрощения демократического транзита – превращает ее в способность советской истории быть целостным историческим образованием, иметь границы и возможность их достигать. Данный механизм был во многом формальной копией, превращенной формой советской демократии, способом оборачивания демократического транзита в «смерть» советской истории, в ее способность быть лишь в границах термидора. Вручая советской истории демократию в качестве ее «смерти», демократический транзит был не только ее «врученное могущее-бытие» [4], но в своих экзистенциях он был способом сведения разнообразного демократического опыта трансформации советской истории к ее «фактично-экзистентным» (Хайдеггер) возможностям, которые проявлялись в особенных формах «формальной демократии». Когда бытие демократического транзита «предстоит себе как эта возможность самого себя, оно полностью вручено наиболее свойственной ему способности быть» [4]. Поскольку «вопрос о способности быть целым фактично-экзистентный» [4], постольку ответ на него фиксирует данную способность всего лишь как «экзистенциально дедуцированное собственное бытие к смерти как собственную способность быть целым» [4]. Советская история вручает себе эту способность быть посредством демократического транзита, путем нивелировки и «зашоривания возможного» (Хайдеггер). Наличие у нее данной способности позволяет ей, не выходя за рамки транзита, «обойти возможность смерти» [4] и... сохранить «смерть» самой себя – сохранить себя как «для-себя-наставание» (Хайдеггер) «смерти».

Таким образом, термидор открывает в советской истории ее способность быть целой в виде «смерти». Он вручает ее ей посредством демократического транзита, в котором фактично-экзистентная способность советской истории быть целой обнаруживает себя в виде формальной демократии.

Термидор – «брошенность в смерть»

Для того чтобы советская история могла перейти от социализма к капитализму, что само по себе является абсолютно нетривиальной задачей, ее бытие должно «извлечь себя назад к самому себе» (Хайдеггер) и бросить в собственную «смерть». Что и происходит с ней во время термидора, который размыкает ее «смерть» как то, что должно «вобрать в экзистенцию» возможности, открытые в ней антисоциалистической революцией. И в первую очередь – «возможность ее собственности» (Хайдеггер) как «смерти». В результате термидора, который пробуждает в советской истории не просто то, что «так она и есть», но «собственное “думание о смерти”» [4], она обретает в себе «собственное бытие к смерти» (Хайдеггер) – свою «брошенность в смерть» (Хайдеггер).

В процессе термидора бытие советской истории «брошено в неопределенность своей “граничной ситуации”» [4]. При этом оно «себе самому сущностно разомкнуто, и именно по способу вперед-себя» [4] экзистирования основания его собственного бытия. Оно «есть, экзистируя основание своей способности быть» [4], которое «экзистирует как сущее, которое имеет быть как оно есть и способно быть» [4] тем, что она есть, и тем, что она не есть.

Антисоциалистическая революция размыкает советскую историю, ее возможность и способность быть «смертью». Термидор начинается с того, чем она заканчивает – с «необходимой возможности» экзистирования капитализма как «смерти» социализма. Он превращает экзистирование сущего-основания советской истории в «вихрение несобственности» (Хайдеггер) ее бытия. В процессе «вихрения» термидор «размыкает себя самому себе в самой своей способности быть» [4] «смертью» советской истории – способности быть способом строительства капитализма. Когда же термидор размыкает «несобственное» бытие советской истории, она открывает в себе не «смерть», а ее «собственную разомкнутость» (Хайдеггер) в виде *социалистического (государственного) строительства капитализма*.

Являясь «экзистенциальным способом быть» советской истории в собственной «смерти», термидор (государственное строительство капитализма) экзистирует, размыкает себя как «смерть» в трех различных формах, посредством которых производит в ней «отграничение от чистого исчезания, но также и от лишь-околевания и наконец от “переживания” ухода из жизни» [4]. Во-первых, путем «размыкания целого бытия-в-мире» (Хайдеггер) развитого социализма социалистическое строительство капитализма отграничивает советскую историю от «чистого исчезновения» в своей «смерти» – оно производит ее своеобразную декомпрессию, возвращает ей способность быть строительством самой себя. Во-вторых, размыкая ее брошенность в «смерть», оно превращает «смерть» во вполне себе живой и плодотворный процесс строительства собственной способности советской истории быть «смертью». Он предохраняет себя в форме «смерти» от «лишь-околевания» посредством строительства капиталистического рынка. В-третьих, будучи способом ее «врученности миру», врученности собственной «смерти» своему бытию-в-мире, государственное строительство капитализма размыкает, но не советскую историю саму по себе и не ее «смерть», а те ее «переживания» по поводу «смерти», которые были всего лишь проявлением способности советской истории быть «мирооткрытой» (Хайдеггер) – способности быть бытием-в-мире частной собственности. Государственное строительство капитализма «не свободнопарящее самопроецирование, но, будучи обусловлено брошенностью как факт

сущего, какое оно есть, оно всегда уже было и постоянно оказывается вручено экзистенции» [4] строительства, рынка, частной собственности.

Термидор показывает, что «самость, которая как таковая должна положить основание самой себя, не способна никогда им овладеть и все же, existing, имеет взять на себя бытие – основанием» [4]. Имея в самой себе в виде основания «смерти» государственное строительство капитализма, советская история не могла «владеть своим бытием» (Хайдеггер). Она могла лишь представить его ничтожность, существовать и обосновывать (ничтожить) собственное бытие, ибо, «будучи основанием, оно само есть ничтожность самого себя» [4]. И она делала это в форме *государственно-олигархического капитализма*.

Брошенность в смерть как «в необходимую возможность размыкает также и все располагающиеся прежде нее возможности» [4] и особенно те из них, которые фактически раскрывают способность советской истории стать «перетолкованным, несобственно понимающим себя» (Хайдеггер) капитализмом. Термидор показал, что «перетолкованный», брошенный в советскую историю в качестве ее «смерти» капитализм по своей форме, способу движения был «социалистическим капитализмом». Он возникает из государственного социализма. Его субъектом была советская олигархия (номенклатура) и «передовики» антисоциалистической революции, которые в процессе строительства капиталистического рынка и конструирования отношений частной собственности особым образом, посредством коррупции, «перетолковывали» смысл и итоги брошенности в «смерть» советской истории.

В условиях термидора государственно-олигархический капитализм обеспечивает собственную способность советской истории быть брошенной в «смерть» и ничтожить «смерть» своей «смерти». Ничтожить ее не только как непрерывный и связный процесс самостояния в качестве способной к собственному бытию самости, но ничтожить собственное ничтожение ее бытия-в-мире – способность стать и быть понимающей себя «смертью».

Термидор – «бегство от смерти»

Являясь «бытием к смерти» советской истории, термидор не только открывает «смерть» в бытии, раскрывает «смерть» бытия, но и в виде процесса «умирания» (Хайдеггер) размыкает «бытие смерти». Он «умирает» вместе с ней по мере того, как бытие ее «смерти» существует и ничтожит себя в качестве «смерти» и бытия. В первом случае термидор возвращается к самому себе и открывает в себе «смерть» советской истории и ее переход от начала к концу. Тем самым он полагает в себе единство конца советской истории и конца самого себя. Открывает в советской истории «смерть» как ее переход от одной революции к другой – переход от революции к термидору («умиранию» революции). Во втором случае он обращается не к революции, а к советской истории, ставшей в форме «смерти» основанием собственной способности быть бытием-в-мире – способности быть «самостоянием самости» (Хайдеггер).

«Умирание» советской истории особым образом объединяет два противоположных процесса: возвращение термидора к «смерти» революции и «смерти» советской истории от революции. Умирая вместе с советской историей, термидор обретает в себе «смерть», но не способность быть целым или собственную способность быть, а как «*понимающую*» себя способность быть «смертью». «Экзистенциальное понятие умирания как брошенного бытия к наиболее своей, безотносительной и необходимой способности быть» [4] отражает то, каким образом термидор ничтожит в самом себе собственную способность быть «смертью», «размыкает себя себе самому в плане своей крайней возможности» [4]. «Умирание» советской истории в форме термидора «вручено себе самому и своей спо-

способности быть, однако все же как бытие-в-мире» [4]. А это значит, что оно в процессе «самостояния самости» термидора обретает способность не только быть, но и с помощью экзистенции «крайней возможности» понимать то, что оно «есть вот». Термидор «вталкивает экзистенцию в ее конечность» [4], тем самым обретая в себе понимающую способность быть «смертью» советской истории. В процессе ее «умирания» эта способность реализуется как такая «понятливость» (Хайдеггер), которая «имеет свое бытие в понимании» [4] и, с одной стороны, «размыкает возможности его бытия и управляет ими» [4], а с другой стороны, с ее помощью «бытие смерти» советской истории «извещается о собственном смысле бытия и основоструктурах своего бытия» [4]. В том и другом случае «сущностному составу его бытийной понятливости принадлежит понимание бытия-в-мире» [4].

Термидор ничтожит не только революцию, историю, но и процесс их взаимобращения – ничтожит советскую историю как повергнутую антиимперской революцией в ничто и небытие «мировую революцию». Антиимперская революция возвращает советскую историю к самой себе как «мировой революции», но лишь в виде «крайней возможности» ее бытия. Термидор же размыкает возможность бытия ее небытия – раскрывает «умирание» в виде особой формы самостояния самости ее небытия. Он не умирает вместе с ней, но экзистенцирует тем же самым способом, т. е. в форме *выбора* – выбора «умирающей» советской историей своего бытия-в-мире. Что и как она выбирает?

Термидор выбирает «свободу для смерти» (Хайдеггер), конституирует понимающую способность быть тремя разными способами: путем «наверстания выбора», «избрания выбора», «избрания свободы выбора» (Хайдеггер). Каждый из них фиксирует определенный «основообраз бытия-в-мире» [4] «умирающей» советской истории – субстанцию, субъекта и самость ее «умирания».

Наверстывая выбор, советская история размыкает саму себя как переход от «бытия-не-по-себе» к «бытию-по-себе» (Хайдеггер), для чего извлекает свое бытие назад из самого себя и в форме термидора представляет его самому себе в виде субстанции – «как сущее, которое есть так, что оно, чтобы быть, не нуждается ни в каком другом сущем» [4]. Избирая выбор посредством «падающего отшатывания» от бытия по себе, советская история размыкает процесс своего размыкания и становится субъектом бытийствования, способом самостояния «умирающей» советской истории – становится ее «бытием-при» своем «умирании». Избрание свободы выбора ставит бытие не перед ним самим, но «перед его миром как миром и тем самым его самого – перед ним самим как бытием-в-мире» [4]. Избранная в процессе термидора свобода выбора превращает «умирание» советской истории из «бегства от смерти» в ее самостояние и бегство к «смерти». Она высвобождает (размыкает) себя для «смерти» путем высвобождения «смерти» из самой себя. Путем «экзистентного понимания» (Хайдеггер) термидором себя как особого способа обретения советской историей небытия в качестве самости. В этом случае термидор указывает единственно возможное направление обретения небытием советской истории своей самости и собственной способности быть бытием-в-мире. Он указывает на «умирание» ее «смерти».

В процессе наверстывания выбора советская история размыкает себя для «смерти», путем высвобождения «смерти» из самой себя. Выбор настает в результате «экзистентного понимания» термидором себя как особого способа обретения советской историей небытия в качестве субстанции. Он стабилизирует процесс ее «умирания» путем обращения его в особый «сущностный экзистенциал» (Хайдеггер) – *государство*. Термидор показывает, что именно оно «в своем бытии совершенно не нуждается в другом сущем» [4] и в этой «ненуждаемости», оказывается, способно обеспечить стабильность «умирания» советской истории и быть ее горизонтом, внутри которого понимается бытие» [4].

Размыкая процесс собственного размыкания, «избирая выбор», термидор освобождает себя из плена собственного бытия. Обеспечивает не только его стабильность, но и стабильность экзистирования «умирающего». Гарантирует подъем его субстанциональности до высот субъектности. Раскрывая бытийную возможность «умирания умирающего» (Хайдеггер) не как способ «соприсутствия и еще присутствия умершего» [4], а в качестве способа его бытия при процессе собственного «умирания», термидор не просто размыкает его внутримирно сущее, но вкладывает его в бытие советской истории в качестве деятельного сущего, или основания. Этим основанием-сущим, способом «умирания умирающего» и раскрытия «жизни умирающей» истории является *война*. Она оттесняет советскую историю от «смерти», давая «характерное толкование» процессу ее «умирания», искушает и успокаивает всех тех, кто жаждет «смерти».

С помощью избранной свободы выбора термидор привносит в бытие небытия советской истории «освобожденность для свободы избрания и выбора себя самого» [4]. В этом случае он ничего и никуда не вкладывает, но лишь «высвечивает сущее» (Хайдеггер) ее бытия. Высвечивает «умирание» советской истории не как бегство «от внутримирного сущего, но именно к нему как сущему» [4]. Тем самым он раскрывает последнюю тайну «умирающей» советской истории – ее «самопередающуюся смерть» (Хайдеггер). Для чего он ставит бытие небытия советской истории «перед его миром как миром и тем самым его самого – перед ним самим как бытием-в-мире» [4]. Оказавшись свободным в своем выборе, термидор поступает абсолютно несвободно, ибо ставит это бытие перед его бытием-в-мире в форме «самопередающейся смерти» советской истории. Самопередается же она в форме, которая на протяжении всей истории советской истории была «основообразом» ее бытия-в-мире, способом самостояния ее самости – самопередается в форме *власти*.

Избрание советской историей свободы выбора дает ей шанс на то, чтобы попытаться «уклониться» (Хайдеггер) от «смерти» – шанс на «несамостояние» (Хайдеггер). «Уклонение от смерти» – это «определение смерти как “конца” присутствия, т. е. бытия-в-мире» [4]. В этом процессе советская история обретает «конечную свободу» (Хайдеггер) и превращается в способ бытия «особой сверхвласти своей конечной свободы» [4].

Если «бытие смерти» есть самость советской истории, то способом его «умирания» является процесс самостояния этой самости. Он позволяет открыть «феноменальный состав экзистенциального основоустройства присутствия в последних основаниях своей ему онтологической понятливости» [4] – позволяет посмотреть «смерти» в глаза и увидеть в них, в том числе, «феноменальный состав» «умирания» советской истории. Увидеть и понять единство разных способов превращения «сверхвласти конечной свободы» в свободу власти.

В форме термидора советская история пытается высвободить из процесса своего «умирания» власть как ее понимающую способность быть «вот» – быть освобожденной от «сверхвласти свободы» суверенной властью. Она старается с помощью «понимания», высвобождения власти из плена «советскости» уклониться от свободы как «смерти». Однако у освобожденной власти для того, чтобы стать освобождающей властью, просто не хватает сил. С тем чтобы решить эту, казалось бы, неразрешимую проблему, советская история размыкает не саму себя, а процесс своего уклонения от «смерти». Для этого она отшатывается от него и затем падает в его пучины – вручает сама себе свое сущее путем упорядочивания власти и создания ее вертикальных структур. Посредством строительства «вертикали» она делает «вот» «этим вот».

«Умирающая» в конвульсиях свободы власть не только стремится к пониманию своей обыденности («вот»), падению в нее («это вот»), но и бегству от «смер-

ти» («есть свое вот») в себя как способ бытия-в-мире, освобожденном от свободы. Для этого она размыкает саму себя, но не в качестве *освобожденной власти*, или власти, *освобождающей власть*, а в виде *свободы власти* – собственной «свободы для смерти» и «сверхвласти свободы» советской истории. Она принимает свою свободу как «разомкнутое в своем уклонении есть вот» [4] ее «смерти», то, что «так оно есть и имеет быть» [4] экзистенциальной определенностью «смерти» как сущего и способа его бытия-в-мире – способа «умирания» «смерти» от «смерти».

В процессе «бегства от смерти» и в результате «умирания» советская история становится «бытием смерти» самой себя. Тем самым она реализует не только способность быть целым и собственную способность быть, но и «понимающую способность быть» «вот», «это вот» и «есть свое вот» – быть субстанцией (государство), субъектом (война) и самостью (суверенная, вертикальная, свободная власть) процесса своего «умирания».

Термидорианский переворот

Термидорианский переворот направлен против термидора как истории советской истории. Ее ничтожение позволяет советской истории обратиться к самой себе, собственному процессу «умирания» и в форме переворота вручить «смерть» не просто себе, но основоустройствам своего бытия к «смерти». Дело в том, что, пока «собственное бытие к смерти не выявлено и не определено онтологически, на экзистенциальной интерпретации бытия к концу лежит существенный изъян» [4]. Переворот как раз и призван этот изъян из советской истории изъять и тем самым завершить ее окончание, а также закончить ее завершение.

Термидорианский переворот – это «постоянный отрыв от собственности» (Хайдеггер) советской истории и «оттеснение» ее бытия в несобственность. Не просто срыв бытия «из него самого в него само» [4], но его «отшатывание» от самого себя и «успокоение» в мире (стабилизация стабильности), «держание-себя-свободным для своего возможного и всегда фактично необходимого изъятия» [4] из этого мира. «Бытийные способы падения» [4] термидора в себя, а также в основоустройства бытия советской истории «вгоняют» это бытие в несобственность – в «экзистенциальное умение быть», «свободнопарящее умение быть» (Хайдеггер) «смертью», размыкают «бытийную понятливость» советской истории. В результате «отшатывающего падения» термидора в самого себя, в нем размыкается «возможность освобожденности для самого своего умения быть» [4]. В процессе же «падающего бегства» от советской истории и ее основоустройств его освобожденное умение быть становится особым «умением-быть-в-мире» (Хайдеггер).

Купол

Сущее истории – это экзистирующая в форме субстанции, субъекта и самости историческая самодеятельность человека. С помощью этих форм оно размыкает свое бытие – освобождает в себе свободу как смысл своего бытия. В результате его размыкания они становятся основоустройствами исторического бытия самодеятельности человека. Что касается основоустройств бытия советской истории, то, как мы уже отмечали, ими являются соответствующие бинарные оппозиции: «революция – власть» (субстанция), «тоталитаризм – социалистическое строительство» (субъект), «свобода власти – несвобода общества» (самость). Именно они в условиях термидорианского переворота подвергаются наиболее глубоким изменениям, что, в свою очередь, приводит к превращению советской истории в Купол над историей и машину ее «смерти».

Термидор изменяет *историю* советской истории. Он растворяет ее в системе форм воспроизводства «смерти» и представляет как процесс «умирания» возможности и способности быть «смертью» самой себя – быть демократическим тран-

зитом, олигархическим капитализмом, выбором свободы. Фактически, тем самым, он уничтожает «завоевания» антитоталитарной, антисоциалистической, антиимперской революции. Термидорианский переворот не возвращает их к жизни, но преобразует их «смерть» в универсальный способ ничтожения того, что было «смертью» для советской истории. Тем самым он окончательно лишает советскую историю возможности, способности быть «смертью» самой себя и размыкает в ней ее несобственное бытие к «смерти» – ее «*умение быть*» «умершим».

Термидорианский переворот – это не только процесс изменения термидором самого себя и истории советской истории, но и качественное обновление ее сущего и способов его экзистирования – субстанции, субъекта, самости советской истории. Путем размыкания основоустройств бытия советской истории он пытается вернуть ей «смерть» «смерти» и воссоздать ее умение быть «умершей» не в склепе мировой истории, а быть бытием-в-мире несобственной смерти. С этой целью он ничтожит в своем мире все те формы исторической самодеятельности человека, которые долгие годы были основоустройствами ее бытия – ничтожит революцию (субстанцию), строительство (субъект) и свободный выбор (самость). В результате термидорианского переворота «смерть» советской истории настигает свою «смерть» и перевоплощается в своеобразную «*машину смерти*» – в того монстра, которого в свое время, как об этом писала Мэри Шелли, создал Виктор Франкенштейн.

В процессе термидорианского переворота, «отшатывающего падения» и «падающего бегства» (Хайдеггер) в собственные основоустройства советская история превращается в «свободнопарящее умение быть» (Хайдеггер) «смертью», становится «свободнопарящим самопроецированием» себя на свою «смерть» – она становится Куполом над самой собой и исторической жизнью.

Купол – это не жизнь советской истории после «смерти», а способ «умирания» ее сущего и основоустройств. Воспарив над реальностью «вот» советской истории, он вместо исторической самодеятельности человека создает свое сущее – самодеятельность власти. Из основоустройств бытия советской истории конструирует способы бытийствования этого сущего в виде *суверенной, вертикальной, свободной власти*. В результате Купол превращается в своеобразную машину «смерти», ничтожащую «смерть» «смерти» не только советской истории, но и самой себя.

«Экзистенциальное понятие смерти» (Хайдеггер) отражает место и роль революции и термидора в процессе «умирания» советской истории. Оно фиксирует ее «несобственное бытие к смерти» (Хайдеггер). Ее же «собственное бытие к смерти» становится в процессе и результате термидорианского переворота. Форма его осуществления, способ экзистирования умения быть «смертью» проявляются в виде *гибридной войны*, развязанной советской историей против основоустройств современной истории: демократии, капитализма, свободы. Гибридный характер этой войны, которая по своей сути в новых исторических условиях продолжает мировую революцию, проявляется в том, что она в качестве «подручного средства» (Хайдеггер) ведения боевых действий использует против демократии саму же демократию, против капитализма – капитализм. Войну со свободой ведет освобожденная от общества, освобождающая общество от свободы власть. Фактически, с помощью гибридной войны «умершая» советская история пытается стать бытием-в-мире современной истории. В том числе, и в первую очередь, стать «собственным бытием к смерти» современной истории России. Эта странная война против всех размыкает «возможность невозможности» бытия советской истории. В конце концов, она производит всего лишь «ускорение ухода из жизни» (Хайдеггер) «смерти» советской истории и тем самым возвращает ей искомое «собственное бытие к смерти» (Хайдеггер).

Для того чтобы обеспечить себе в борьбе с собственными комплексами безусловную победу над собой, ведущая гибридную войну машина «смерти» должна иметь надежный тыл, способный обеспечить всем необходимым тех, кто, не щадя живота своего, бьется за «смерть» советской истории против ее «смерти». И она с помощью Купола делает это – превращает современную историческую жизнь России в *ретрожизнь*.

Ретрожизнь

У термидорианского переворота две стороны. Одной он повернут к самому себе как истории («смерти»), второй к своему бытию-в-мире – к жизни, в которой он пытается найти опору для продолжения исторического бытия. В первом случае он размыкает в советской истории власть в виде Купола – жизнь ее «смерти» после «смерти», во втором – власть «понимает» жизнь, «располагается» в ней, «падает» (Хайдеггер) в нее, тем самым обращая ее в ретрожизнь.

В условиях термидорианского переворота бытием сущего («смерти») советской истории становится властный Купол. Он «служит жизни» (Ницше), являясь способом интерпретации ее «сущностных структур на их временность» [4]. Эти структуры задает история, или, в нашем случае, Купол. Он «понимает» жизнь как исторический процесс, «располагается» в ней как в историческом мире и «падает» в нее, делая жизнь исторической. Так он интерпретирует «собственную временность» жизни, ее историчность и смысл.

Жизнь под Куполом начинается с ее «несобственной временности» (Хайдеггер). Она заимствует ее у власти «умирающей» советской истории. Несобственная временность жизни – это превращенная форма существования источника, основания, формы развития Купола советской истории. Как всякая суверенная власть, он является «смертью» революции (источника). Будучи вертикальной властью, Купол полагает «смерть» ее «смерти» и с помощью реставрации обеспечивает восстановление в жизни после «смерти» всех тех сущностных структур советской истории, которые образуют предельное основание самостояния ее самости как целостного исторического мира. Проявляясь в форме свободной власти, он с особым рвением возобновляет процесс «умирания» уже «умершей» советской истории, тем самым преображая жизнь в своеобразный реванш «смерти».

«Несобственная временность» жизни проявляется в виде различных ретроориентаций, каждая из которых является способом обнаружения (отражения) в ней власти и особой формой историоризации жизни – она обнаруживает себя в виде *контрреволюции, реставрации и реваншизма*. В процессе их взаимодействия возникает «единая временность» (Хайдеггер), «равноисходность» (Хайдеггер) ее экстазов, а также особые модусы временения ретрожизни.

Стремясь подчинить себе жизнь, превратить ее в надежный тыл своего бытия, Купол действует так, как всегда в условиях «избытка истории» действовала советская история. С одной стороны, он «рассеивает», «раскалывает», инициирует «распад» (Сартр) жизни. С другой стороны, способствует формированию в ней особых ретроориентаций, которые обеспечивают воспроизводство непрерывности, целостности и направленности ее исторического бытия.

Купол – это нечто «высвобождающее смерти возможность совладать с экзистенцией присутствия и развеять в его основе всякое беглое самораскрытие» [4]. От того, что он освобождает для смерти возможность советской истории экзистировать, развеивая при этом процесс ее самораскрытия, у него возникает «прочная радость от этой возможности» (Хайдеггер). Ею он с огромным удовольствием делится с той исторической жизнью, которая оказалась под ним. Такого рода маленькими, но прочными радостями «питается понимание бытия» (Хайдеггер) попавшей под Купол «смерти» исторической жизни людей. Он «бежит в люди»

(Хайдеггер) и в виде «основоустройства историчности» (Хайдеггер) их бытия «набрасывается» на жизнь, в результате чего «первый набросок понимания бытия “задает” смысл» [4] – «временность обнажается как смысл» [4].

Всякая временность становится смыслом истории и жизни при наличии трех условий. Она должна быть «единой временностью», обладать «равноисходными» экстазами – «временность временит как бывшее-актуализирующее настоящее» [4]. И, что очень важно, модусы ее временения должны создавать «почву для определения временности бытия-в-мире» [4] исключительно путем размыкания хотя и равноисходных, но разных экстазов. Временность перевоплощается в смысл тогда, когда осваивает, присваивает эти условия и из несобственной становится «собственной временностью».

В процессе термидорианского переворота, когда жизнь в форме различных ретроориентаций экзистировала как «смерть» советской истории ее временность, система координат временения кардинальным образом изменяется: разрушается *связность*, распадается *целостность*, исчезает горизонт и *направленность* ее самодвижения. В результате жизнь теряет важнейшее качество своего бытия – историчность. Она из «самопередающегося возобновления наследства возможностей» [4] превращается в жизнь, в которой главенствует невозможность «возвращения возможного» (Хайдеггер).

Контрреволюция ничтожит источник временности ретрожизни. Представляя его как источник «хаоса», она разрушает «жизненную взаимосвязь» (Хайдеггер), непрерывность исторического бытия жизни. Подменяет ее временность «расколотой целостностью» (Сартр) жизненного фона, на котором всякая искривленность жизни трансформируется в «смертельную линейность» (Бодрийяр) и происходит сдвиг времени во времени.

Пытаясь посредством реставрации найти во временности те времена, которые были, есть и всегда будут основанием существования ретрожизни как целостного исторического мира, жизнь превращается в «рассеянную целостность» (Сартр), которая скользит по поверхности жизненного фона и в безудержном самостоянии производит только одно – «эффект рекуперации, манипуляции и реутилизации» [1] самой себя, эффект поворачивания времени вспять и его накопления в форме особых жизненных событий.

Реваншизм находит во временности ту единственную точку, став на которую ретрожизнь открывает для себя бескрайние горизонты своего исторического бытия. Фактически, с его помощью, временность ретрожизни становится «распавшейся целостностью» (Сартр). Она из жизненного фона самой себя превращается в набор плохо связанных между собой форм движения «рассеянной» жизни к заданному реваншизмом горизонту и «вводит нас в горизонтальную эру событий без последствий, последний акт разыгрывается самой природой в свете пародии» [2], которая представляет собой всего лишь «жалкое повторение грандиозной премьеры» [2].

Потеря ретрожизнью целостности временности и ее последующее восстановление с помощью ретроориентаций в виде несобственной историчности ведет к тому, что вместо того, чтобы «вычестить из жизни смерть» (Бодрийяр), она, напротив, пытается «восстановить в жизни смерть» (Бодрийяр) – пытается превратить «смерть» в смысл жизни.

Оказавшись под Куполом советской истории, жизнь стремится с помощью власти обрести собственную историчность, в том числе и путем оборачивания ретроориентаций в экстазы своей временности. Власть «всегда держится на манипулировании, управлении смертью» [1], и в целях эффективного управления она создает ее особые образы, которые в жизни проявляются как специфические экстазы ее «умирания».

Всякая «власть возможна лишь при условии, что смерть больше не гуляет на воле, что мертвые помещены под надзор, в ожидании той будущей поры, когда в заточении окажется и вся жизнь» [1]. Она «набрасывается» (Хайдеггер) на жизнь, помещает мертвых под надзор и прекращает гуляние смерти на воле, используя те ретроориентации, которые разрушают целостность ее временности. Для этого она с их помощью максимально ограничивает движение жизни, возводит вокруг нее из превращенных экстазов временности такую стену, которая не позволяет жизни двигаться и жить в истории. В результате движение жизни исчезает, но не в неподвижности, а в «более подвижном, чем движение, доводящем движение до крайности, обесмысливающим его» [2] процессе. В нем жизнь «принимает форму катастрофы в замедленном режиме» [2]. В форме все нарастающей истерии у нее наступает «безумная сверхдетерминированность», «обострение этих референциальных, функциональных, финальных и каузальных ценностей» [2]. Их бессмысленное нагромождение вызывает «стремительное кровоизлияние объективных причин» (Бодрийяр). В результате чего жизнь становится перенасыщенной гиперфинальностью, которая «смысла уже не имеет, никуда не идет, а следовательно, не имеет ничего общего с движением» [2]. Она становится «галлюцинацией между строк» (Бодрийяр). Под Куполом советской истории жизнь как «бывшее», «настающее», «актуализирующее» (Хайдеггер), то, в чем «временность временит в каждом экстазе целой» [4], превращается в совокупность особых знаков, которые в форме прошлого, настоящего, будущего отражают и выражают лишь ее упорядоченную «смерть» – обеспечивают временность ее «умирания».

Ретрожизнь с помощью контрреволюции, реставрации и реваншизма превращается в «мертвую точку», в «которой всякая система пересекает хрупкую грань обратимости, противоречия, переоценки, чтобы живьем войти в не-противоречие, в отвлеченное самосозерцание, в экстаз» [2]. В ней, фактически, нет жизни, но есть лишь события, которые полностью «поглощают свой смысл, они ничего не преломляют, ничего не предвещают. По ту сторону – лишь катастрофы» [2]. «Зловещее искривление» жизни, «перенасыщенность систем памяти» [2] продуктами временения «умершей» временности и их «раздувание в пустоту» «кладет конец горизонтам смысла» [2]. Раз «смысл истории утрачен, раз пройдена эта точка инерции, всякое событие становится катастрофой» [2], при которой «невозможно повернуть вспять ни течение времени, ни направление смысла» [2].

Посредством контрреволюции, реставрации, реваншизма осуществляется «дисперсия времени и истории» [2]. Экстазы временности жизни перевоплощаются в гиперреальное, «более подлинное, чем подлинник» [2]. Под воздействием подменивших эти экстазы знаков (прошлого, настоящего, будущего) время жизни «растянулось, расширилось до плавающих параметров реальности» [2]. Жизнь уподобилась «движениям пловца в трясине» [2]. И, самое главное, ее «смысл больше не кристаллизуется» [2], а сама она становится всего лишь видом «игры систем вокруг точки инерции» [2] – видом игры жизни, которая на самом деле есть «смерть» вокруг самой себя как «мертвой точки».

Уничтожая экстазы временности жизни, преобразуя их в знаки, ничтожа ее смысл, Купол одновременно с этим задает особую «позитивную» программу бытия жизни: «поскольку ничто уже не имеет смысла, то все должно функционировать безупречно» [2]. На этом фоне развиваются истерия и «шантаж ответственности» (Бодрийяр) – «бессмысленное усиление ответственности», которая призвана гарантировать «отсутствие воли к смыслу» (Бодрийяр). В результате отсутствия смысла жизнь превращается в «сгущающуюся пустоту», «принудительную циркуляцию таких государственных ценностей, как насилие, ответственность, справедливость и т. д.» [2]. Отныне наш взгляд «устремлен не в звездное небо, а в подземное царство, угрожающее нам обрушением в пустоту» [2].

Картина ретрожизни была бы неполной, если бы мы ограничились лишь определением способов ничтожения «единой временности» жизни и описанием того, как ретроориентации ничтожат ее экстазы, преобразуя их в знаки времени. Она осталась бы неполной, если бы мы ограничились лишь анализом процесса «умирания» временности, но ничего не сказали о модусах временения «умершей», лишенной своей истории и смысла жизни.

Ретроориентации ретрожизни «в аспекте их возможной целостности, единства и развертывания по сути “временны” и подлежат осмыслению как модусы временения временности» [4] – модусы временения «конечности временности», «необходимой возможности ничтожности» (Хайдеггер) жизни. Они отражают и выражают то, что испытывает жизнь в процессе обрушения в пустоту и превращения из «мертвой точки» в ничто – непреодолимый *страх, ужас перед этой угрозой и ужас перед ужасом*.

Что для бытия ретрожизни является самым «страшным в его страшности» (Хайдеггер)? Им является революция. Что у нее вызывает неподдельный ужас? Ее брошенность в «конечность временности» – на пир, который во время чумы устроили наспех отреставрированные мумии советской истории. От чего она, пытаясь с помощью реваншизма восстановить «собственную временность», испытывает «трусливый страх» (Хайдеггер) и ужас от ужаса? От неспособности быть способной быть. От того, что в форме реваншизма ретрожизнь становится ретросмертью – становится «свободой к смерти» (Хайдеггер).

В процессе ретрожизни происходит «упорядочение способа, каким вообще надо относиться к смерти» [4]. В результате жизнь относится к «смерти» советской истории со страхом, ужасом и ужасом перед ужасом. Она испытывает страх не перед «умершей» историей, а перед тем, что может превратить ее в собственную «смерть» – испытывает страх перед революцией. Она испытывает ужас не от того, что может посредством ретроориентаций стать «смертью», а от того, что не может «умереть». Оказавшись в этом случае не без помощи реваншизма в «модусе безразличия и чужести» (Хайдеггер), она испытывает ужас от того, что «мир не способен ничего больше предложить» [4] ей, кроме как быть «уединенной в одиночестве» [4]. Попытка избавиться от одиночества с помощью реставрации и реваншизма «ведет к чистому так-оно-есть самой своей одинокой брошенности. Это возвращение не имеет черт уклоняющейся забывчивости, но у него нет и черт воспоминания» [4]. Реставрация и реваншизм возвращают ретрожизнь в ее «обнаженное не-по-себе» (Хайдеггер).

Ретрожизнь испытывает ужас перед тем ужасом, который сопровождает каждое событие ее жизни после «смерти» советской истории, ибо в каждом из них нет «ничего и нигде» (Хайдеггер). Тем самым она ставит и показывает «одиночество его самости» (Хайдеггер). Ее «ужас ужасается за способность-быть так определившегося сущего и размыкает тем его крайнюю возможность» – размыкает «смерть» ее «умирания». Тем самым, оказавшись в крайней возможности, испытывая «свою трусость перед ужасом» (Хайдеггер), ретрожизнь в форме реваншизма устремляется к «ужасающей свободе к смерти» [4]. Ее «бегство от самого себя и своей собственности» [4] к «смерти» обнажает в ней «голое присутствие» жизни как единства «смерти» свободы и свободы «смерти». Убегая от одиночества самости, она, в конечном итоге, «ужасается своей свободой к смерти» [4].

Под Куполом советской истории, в процессе термидорианского переворота, происходит разрушение целостной временности жизни, временность перестает быть ее смыслом и в своих модусах (страх, ужас, «трусливый страх») временит исключительно как «смерть» самой себя. Термидорианский переворот превращает ее в ретрожизнь, т. е. лишает собственной историчности, смысла и размыкает лишь как «свободу к смерти».

* * *

Советская история завершается посредством революции в форме термидора, в процессе термидорианского переворота. Она прекращает историческое бытие («смерть», «бытие к смерти», «бытие смерти») лишь тогда, когда до конца исчерпывает все свои возможности, ничтожит собственные способности быть и разрушает «умение-быть». Когда она уничтожает собственную временность и временные жизни – уничтожает историчность и смысл самой себя и жизни.

Литература

1. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – URL: <http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289653> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Бодрийар Ж. Фатальные стратегии. – URL: <https://www.rulit.me/books/fatalnye-strategii-read-380828-1.html> (дата обращения: 04.02.2020).
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1970. – 501 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95901&p=1> (дата обращения: 04.02.2020).

Vladimir Anatolyevich Loskutov,

D. Sci. (Philosophy), Professor (Yekaterinburg)

Retro Life – Life Under the Dome of Soviet History (The Third Article)

In the third final part of the article, the author analyzes the forms and ways of Soviet history completion. The conclusion is that its “Being towards death” (Heidegger) is implemented in the form of a revolution that acquires “death” during Thermidor. And then it disengages its ability to be, its own “Being of death” (Heidegger) in the form of the Thermidorian Reaction. The article thoroughly explores how once (1991) after losing its history Soviet history creates its approximation – the Dome – with the help of sovereign, vertical and free power. How does the life covered by the Dome and tortured by “historical disease” become Retro-life with the help of such retro orientations as Counterrevolution, restoration, and revanchism? The author concludes that the destruction of a single life temporariness, the annihilation of temporalities by rapture and modes of being temporal deprive Soviet history and Retro-life of their historicity and meaning.

Keywords: revolution; Thermidor; Thermidorian reaction; hybrid war; formal democracy; oligarchic capitalism; temporariness; meaning; counterrevolution; restoration; revanchism.